

Содержание

Предисловие	7
Не бегите! Идите шагом!.....	11
Письма сыну. Рышард Полански.....	77
Хронология.....	209

Эта беседа состоялась 5 мая 2006 года в рамках подкаста «Воспоминания о Холокосте», созданного по инициативе Фонда памяти о Холокосте и Национального института аудиовизуала. Провела ее Катрин Бернштейн. Осенью 2024 года Роман Полански согласился превратить свое устное выступление в текст, который затем сам полностью перечитал и отредактировал.

Предисловие

Я уже неоднократно рассказывал об этом периоде.

Впервые я собрал мысли воедино и привел в порядок воспоминания в конце 1970-х годов, когда взялся писать автобиографию. События, о которых говорится в этой книге, изложены там субъективно, потому что в первую очередь я старался как можно точнее описать восприятие маленького мальчика, ввергнутого в непостижимый для него кошмар. Этот мальчик, чтобы выжить, пытался на свой детский лад ему противостоять.

Мне было шесть лет и тринадцать дней, когда разразилась война, и двенадцать лет — когда она закончилась. Больше всего страданий в то время мне причиняли не материальное положение, не нищета, не голод и даже не страх. Хуже всего были отсутствие рядом родителей, жгучее желание вновь увидеться с ними, одинокое существование в чужом и холодном мире.

Мне снова пришлось вернуться к этим воспоминаниям через полтора десятка лет, по просьбе Стивена Спилберга и его Фонда Шоа, созданного в 1994 году как архив свидетельств переживших Холокост. В новом контексте мне понадобилось пересмотреть все, что со мной случилось, под более широким углом — как часть немыслимого явления, вероятно, единственного в истории человечества: попытки систематического истребления всего еврейского народа, предпринятой горсткой психопатов.

В 2005 году Национальный институт аудиовизуала (INA) совместно с Фондом памяти о Холокосте начал похожий масштабный проект с целью сохранить в аудиовизуальной форме воспоминания последних выживших. Среди сотни интервью, взятых в рамках этого проекта, есть и мое.

Книга, которую сегодня мы представляем читателям, основана на этой многочасовой записи.

Должен признать — соглашаясь на ее публикацию в новой форме, я даже представить не мог, какого труда потребует текстовая запись такого разговора, по сути своей полного отступлений, неоконченных фраз и оборванных нитей. И все же я с самого начала настаивал, что не нужно слишком сглаживать или шлифовать исходное повествование.

Надеюсь, нам удалось найти нужный компромисс, и во многом это заслуга нашего издателя Сандрин Трейнер.

Таким образом, текст, который мы вручаем читателям, — это, на мой взгляд, профильтрованная и очищенная от лишнего выжимка. И пусть это будет мое последнее слово. Память больше не принесет мне ничего нового — скорее уж что-нибудь заберет.

Два документа с воспоминаниями моего отца написаны раньше, у них своя история.

Первый — «Мой путь в Маутхаузен» — это его письмо мне после смехотворного спора по телефону, который произошел у нас в 1973 году.

Война оторвала нас друг от друга. Годы разлуки терзали нас по-разному, но с одинаковой жестокостью, так что мы снова встретились совсем другими людьми. Особенно поразительной была перемена, произошедшая с едва достигшим подросткового возраста мальчиком, которым я был тогда.

Мы никогда не говорили о пережитом. Годы спустя стало известно, что такое молчание — распространенное явление; его стали документировать и изучать с помощью тончайших инструментов современной психологии. Но, на наш взгляд — думаю, я могу говорить и от имени отца тоже, — все намного проще: если откровенно, нас воротило от этой темы! У нас не было ни малейшего желания ее обсуждать. Были вещи куда интереснее и важнее: жизнь и будущее.

И вот, через тридцать лет после возвращения из ада и впервые — по моему намерению, отец описал самый ужасный период в своей жизни.

НЕ БЕГИТЕ! ИДИТЕ ШАГОМ!

Тогда я попросил его раскрыть тему подробнее, описать все, что предшествовало лагерю Маутхаузен, и то, что он пережил потом, как только закончилась война.

Его рукопись вернулась ко мне осенью 1975 года. Я был занят съемками «Жильца», а потому положил ее в ящик и, к стыду своему, забыл о ее существовании.

Только работа над проектом издательства Flammarion напомнила мне о ней. Я нашел, что она написана блестяще, очень самобытна и после пары неизбежных уточнений и сокращений вполне достойна публикации.

Особенно сейчас, когда вновь хочется вскричать, как Фердинанд в шекспировской «Буре»: «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись!»

Не бегите! Идите шагом!

Я принес вам — как вы и просили — несколько фотографий. Их немного, потому что, разумеется, большая часть подобных документов не пережила войну. Но кое-то хранилось у членов моей семьи или у других людей.

Начну с самого старого моего фото, сделанного в Париже. Мне только-только исполнилось три года.

Я родился в Париже. Мои родители какое-то время жили там.

Не знаю, почему они выбрали Париж. Вероятно, ими двигали те же настроения, что и другими людьми, приезжавшими в то время во Францию. Я хочу сказать, что они приезжали не как сегодняшние иммигранты, враждебные местной культуре, а, напротив, потому что восхищались ее устройством, историей и нравственностью.

К моменту, когда я родился, они жили там уже несколько лет.

На этой фотографии, сделанной после
нашего возвращения в Краков в 1936 году,
можно увидеть моего отца, двух его братьев
и мою мать. Мне около трех лет.
Почему они уехали из Франции? Этот вопрос
вполне ожидаем. Думаю, их одолевали
материальные трудности и ностальгия

Здесь мне пять или шесть лет

Мои родители были не особенно религиозными людьми. Скорее даже совсем не религиозными.

Отец сменил несколько профессий. Долгое время он был коммивояжером и работал в звукозаписывающей компании, а точнее, в магазине звукозаписывающей компании His Master's Voice. Все знают логотип с собакой, слушающей проигрыватель. А название означает «Голос хозяина».

Уехав из Франции, мы вернулись в Польшу, в Краков. К этому времени относятся мои самые ранние детские воспоминания.

Мне было три с половиной года, может быть, четыре. Я очень хорошо помню нашу квартиру с балконом, выходившим на огромное пустое пространство — та часть Кракова была еще не полностью застроена. Зато прямо перед нашим домом находился рынок.

На другой стороне улицы — стройка напротив нашего дома. Сейчас эта часть города полностью урбанизирована, но тогда это был почти пригород. Так что я очень хорошо помню соседей и даже их имена — у них было двое сыновей. Они жили на том же этаже, что и мы. Я жил с родителями и сестрой. Дом был небольшой и пах новизной. Здание построили недавно.

На каждый этаж приходилось по две квартиры. Всего этажей в здании было четыре или пять. Мы жили на третьем. Фамилия наших соседей была Костшева, одного из мальчиков звали Титек — не знаю,

как это расшифровывается полностью. Жили мы спокойно.

У нас не было прислуги, но иногда приходила молодая горничная — во всяком случае, она работала у нас в течение какого-то периода, не все время, что мы жили там.

С социальной точки зрения мои родители относились к среднему классу.

Приехав в Польшу, я уже говорил по-польски. Это был мой родной язык наряду с французским. Я владел обоими, но грассировал «р» на французский манер, и это всех сместило. Довольно долго — наверное, до шести или семи лет — мне не удавалось выговорить «р» по-польски.

На идише родители в повседневной жизни не говорили вообще. Знали, но никогда им не пользовались. Только позже, когда я оказался в гетто, у меня появилось чуть больше возможностей слышать речь на идише. Потому что в Польше, разумеется, были самые разные типы евреев. В обычной жизни большинство евреев, с которыми мы встречались, были полностью интегрированы. Это были потомки различных волн иммиграции. Большинство жили там уже поколениями, от шести до восьми столетий.

У родителей были и нееврейские друзья. У меня тоже, тем более что мои приятели с этажа, например, евреями не были.

Некоторые религиозные праздники мы отмечали всей семьей — например, Седер Песах¹. И еще два-три, не больше. В целом это был просто повод собраться всей семьей за одним столом. В остальном родители в религиозных ритуалах не участвовали. Один из дядьев водил меня несколько раз в синагогу, чтобы я посмотрел, как все устроено, познакомился с некоторыми ритуалами. Но я был ребенком, и меня это, разумеется, совершенно не интересовало. Напротив, мне было скучно. Я не был верующим.

Впрочем, когда речь заходит о том, что произошло, ни к чему спрашивать, были ли жертвы верующими. Неважно, были ли они религиозными людьми или нет, — это не меняло совершенно ничего. Как не повлияло и на то, что с нами случилось.

Когда я был совсем маленьким, в Польше было мало поводов развлечься. Но один я не упускал никогда — праздник Вянки. Он до сих пор отмечается в Кракове. Это языческая традиция. Праздник проходит на Висле, польской реке, протекающей перед Вавелем, огромным королевским замком в Кракове. Этот своего рода фестиваль проходит каждое лето и длится целый вечер, не помню, в июле он или в августе². Кажется, это праздник в честь польской принцессы, которая

¹ Ритуальная семейная трапеза, проводимая в начале праздника Песах (еврейской Пасхи). — *Прим. пер.*

² Насамом деле — первая суббота после 22 июня. — *Прим. пер.*

отказалась выходить замуж за немца и предпочла броситься в реку. По Висле плывут баржи, на воде разыгрываются театральные сцены, плывут венки из цветов в память или во славу этой принцессы.

Венок по-польски — «вянек», а во множественном числе — «вянки», вот почему этот вечер так называется. Вянки — венки из цветов, которые носили польские девушки. Праздник всегда заканчивался большим фейерверком, так что все жители Кракова собирались на холме и на стенах замка, чтобы полюбоваться этим зрелищем¹. Очень много людей приходило на него посмотреть. Для детей это был большой праздник, полный впечатлений. Мы с нетерпением ждали этого дня.

Угроза и война

Конечно, у меня сохранилось много воспоминаний, связанных с началом войны, и даже о том времени, когда она еще не разразилась, потому что в воздухе висело особое предвоенное настроение.

Мне было всего шесть лет, когда началась война. Повсюду поползли слухи. Люди начали бояться

¹ Краков был столицей Польши с 1038 по 1596 год, пока король Сигизмунд III Ваза не перенес королевскую резиденцию в Варшаву.

задолго до немецкого вторжения. Оно не стало неожиданностью: все чего-то ждали. Гитлер стоял на самой границе уже три года. Все видели, что происходит, как развивались события. Вначале его, возможно, не особо принимали всерьез, как сейчас не обращают внимания, например, на то, что происходит в Иране. Угрозы Гитлера тоже казались нелепыми, иногда он выглядел даже смешным, когда выступал перед толпами немцев, срываясь на крик, а они были словно под гипнозом.

А потом дела пошли все хуже и хуже. Все вокруг только об этом и говорили. Один момент я помню особенно четко: мы гуляли с отцом в Плантах — это парк в Кракове, разбитый на месте бывших укреплений и окружающий город. Там был какой-то человек за столиком, он продавал рисунки. Вокруг него толпились люди. Он без умолку говорил и всем показывал, что делает с рисунками. На них были изображены четыре руководителя Германии: Геринг, Геббельс, кажется, там был Гитлер и... наверное, Гиммлер. А если сложить бумагу определенным образом, то рисунок превращался в свинью. Отец объяснил мне, почему этот человек складывал из рисунка свинью и кто эти люди. Так я впервые узнал, что такое угроза.

Перед самой войной мы переехали. Мы поселились у моей бабушки, потому что всей семье хотелось быть вместе, и стали жить в большой бабушкиной квартире вместе с двумя моими дядями. Хотя они не все время были там. Не помню. Кажется, это

был дом 3¹ по улице Зеленой, которую переименовали в улицу Сарего². И там, на улице Зеленой, отец решил, что надо ехать в Варшаву, что нам будет безопаснее, если мы укроемся в Варшаве. Сначала он отправил туда мать, сестру и меня. И я очень хорошо помню наш поспешный отъезд. Мы поехали поездом. Я это запомнил, потому что тогда был прекрасный летний день. А как раз накануне, за день или за два, я поймал на берегу Вислы очень красивую бабочку. Один из дядьев показал мне, как поместить ее в колбу, чтобы усыпить, а потом приколоть булавкой к пробке. Я не хотел расставаться с этим трофеем. Я таскал его с собой повсюду. Помню, у матери было несколько чемоданов и шляпная коробка. Дело было ночью, вот так мы и уехали из Кракова. Отец и дядя решили не ехать следом... Как и во Франции, произошел своего рода Исход — исход на восток. Не знаю, в каком направлении уезжали во Франции — вероятно, в противоположную сторону, — но в Польше, конечно, ехали на восток, потому что немцы шли с запада.

¹ Полански-старший утверждает, что это был дом 25.

² В честь Юзефа Саре (1850–1929), польского архитектора, вице-президента Кракова и депутата Национального собрания (Сейма). Эта улица носит его имя с 1932 года, а раньше, с 1882 года, она называлась Зеленой, и именно этот адрес был записан на «личной карте» Полански-старшего в лагере Маутхаузен.

Бомбардировки

Так я оказался в Варшаве, в худшем месте, какое только можно было найти в Польше, потому что на нее немцы набросились поистине ожесточенно. Бомбы летели каждый день. Началось с Национального театра, не знаю почему. Я узнал об этом гораздо позже. На самом деле — намного позже, когда изучал документацию для съемок «Пианиста». А вот что мне в детстве точно запомнилось, так это бомбоубежище: оно было в погребе. Квартира, которую снял для нас отец, находилась в современном, не вполне достроенном здании. Оно было совсем новым и пахло краской. Впрочем, наша первая квартира в Кракове тоже пахла краской, хотя была полностью закончена. В варшавской же мы явно были первыми жильцами. Квартира была небольшой: насколько я помню, у нас была маленькая прихожая и одна или две комнаты с кухней. Каждый раз, как раздавалась сирена воздушной тревоги, все жильцы спускались в убежище. По сути, это был оборудованный погреб с деревянными скамейками. Хуже всего для меня было то, что мать не позволяла мне снимать ботинки, потому что боялась, что при атаке мы не сможем достаточно быстро уйти, скрыться, побежать. И это мне очень мешало, потому что я спал наполовину у нее на коленях, а наполовину на скамейке. Все вокруг ужасно боялись газа, и у большинства были

противогазы. Но у некоторых не было. Например, у нас. Нам говорили, что надо запастись марлей, которую поливали ужасно вонючей жидкостью, и при газовой атаке приложить ее к лицу. К счастью, газовой атаки за это время так и не произошло, а вот снаряд прилетел — прямо в наш дом, в соседнее окно на нашем этаже. Странное дело — обитательница этой квартиры не захотела уходить из дома и погибла. Мне кажется, она была единственной, кто не захотел спускаться. Снаряд пробил большую дыру как раз под ее окном. Так я впервые столкнулся с бомбардировками. Они продолжались две недели или даже больше.

Голод и одиночество

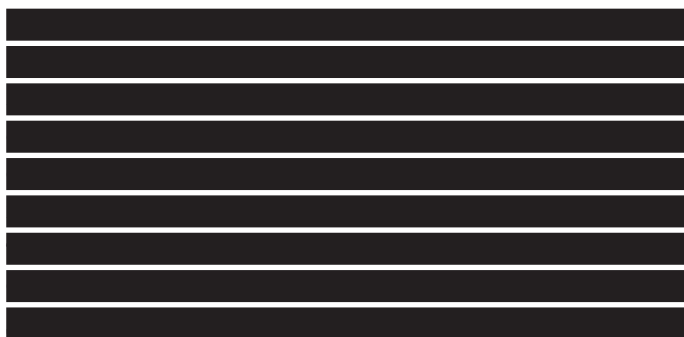
Немцы вошли в Варшаву. Мы очень страдали в то время. Было нечего есть. Мать редко бывала дома, потому что пыталась найти еду. Много магазинов или фабрик разбомбили, поэтому иногда ей удавалось что-нибудь добыть — например, однажды она принесла большую банку крупных соленых огурцов. Мы так и накнулись на них. Конечно, вскоре нас одолела ужаснейшая жажда. А воды тоже не было. За ней нужно было ходить далеко, к колонкам, они зачастую были разбиты, и оттуда текла вода, которую можно было собрать. Перед ними собирались длинные очереди со всевозможными емкостями.

Однажды мать принесла сахар, который собрала на разрушенной фабрике. Он был перемешан с песком. Она развела его в небольшом количестве воды. Рас-топила и процедила через ткань. Так у нас получился сахар, как раньше — скорее большими кусками, чем кристаллами. И вот из этого, из муки и еще чего-то — уже не помню — она делала пирожные и продавала их на улице. Меня поражало, как такой человек, как она, вдруг повернулся незнакомой мне стороной. Поэтому что прежде мать вела себя скорее как изысканная дама, которая занималась семьей. И вдруг мы обнаружили, что у нее есть такие навыки, которые могут пригодиться в такое время.

Отца с нами в Варшаве не было. Он ушел к русской границе¹. Когда Польша капитулировала, ничего другого не оставалось². Всех этих людей, всех мужчин,

¹ Я не очень хорошо помню, когда он вернулся. Я попросил отца написать мне обо всем, что он делал в то время. См. «Письма сыну».

²

убежавших на восток, чтобы, возможно, сопротивляться, разбросало в разные стороны.

Было тяжело, нам его очень не хватало. Особенно когда матери не было дома. В такие моменты было очень грустно. Помню, сестра говорила: «Спи, время пройдет быстрее». И действительно, я засыпал, а потом меня будила мама. Моменты ее возвращения были чудесными. Но как-то раз мы открыли дверь, а за ней стояли мужчина, женщина и один или двое детей. Они разместились у нас в прихожей, заночевали прямо здесь. Мы с сестрой были тогда одни дома. И все же они остались.

Однажды я играл один на пустыре перед домом с оперением бомбы или снаряда — в общем, такой штукой со стабилизаторами на концах, думаю, играть с ней было неопасно, это был один из немногих трофеев, которые мне довелось найти, — и тут я увидел метра в ста от себя мужчину, он присел и раскинул руки. Я узнал отца. Я побежал к нему, он обнял меня и встал, держа меня на руках. Я тут же принялся

[REDACTED]

В связи с принятием Федерального закона от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» мы были вынуждены скрыть часть текста. — *Прим. изд.*

рассказывать ему о нашей жизни и изображать сирену — и непрерывный, и модулированный сигнал.

Для нас началась новая эра. Во-первых, отцу удалось выставить наших непрошенных постояльцев. Да и жизнь понемногу налаживалась. Вокруг нас было множество развалин. И однажды в этих развалинах я увидел автомобиль польской армии — не танк, бронированный автомобиль, а в нем несколько угрюмых солдат. Не помню, в тот же день это было или назавтра, но мы гуляли с отцом — и я увидел марширующих немцев. Отец стиснул зубы и процедил что-то вроде: «Мерзавцы, мерзавцы», — конечно, по-польски. Вскоре мы переехали в другой район — наверное, он был популярнее или дешевле, — не знаю точно почему.

Антиеврейские меры

В какой-то момент родители решили вернуться в Краков. Мы снова съехались с бабушкой. Там я и пошел в школу. Я достиг возраста, когда детей полагается отправлять в школу. Но продлилось это недолго. Вскоре всех евреев переселили в район, который стал гетто, а в гетто школы не было. Меры против евреев принимались одна за другой. Это важно отметить, потому что очень многие задаются вопросом, почему евреи неотреагировали. Они не понимают, как происходят такие вещи. Евреям не начали угрожать прямо

с утра в один прекрасный день, дав им время отреагировать. Худшее началось не сразу, все происходило постепенно. Началось с проблем с деньгами. Больше нельзя было иметь банковский счет. Я все это помню не очень хорошо, учитывая, что был еще маленьким, но я слышал об этом в разговорах родителей. Какие-то обрывки происходящего все же попадали в мою детскую голову. В любом случае первой понятной мне мерой было ношение нарукавной повязки со звездой Давида. Это была белая повязка с точными размерами (очень по-немецки) — не помню точно, какой ширины, кажется, она должна была быть шириной в восемь сантиметров — и с голубой звездой. Она была сделана из двух треугольников, которые перекрывались каким-то сложно передаваемым способом. Я рисовал всегда, с раннего детства, и часто слышал, что рисую очень хорошо. Я рисовал при любой возможности. Но вот эту звезду я с изобразил с большим трудом. Проблема была в том, что она рисовалась по трафарету и от руки повторить было сложно. Даже сейчас я ошибаюсь, когда пробую это сделать. Так что первым, что я осознал, были эти повязки. А однажды отец пришел домой, и у него из уха текла кровь. Его ударил немецкий офицер за то, что отец его не поприветствовал, — евреи были обязаны приветствовать немцев, когда встречали их на улице.

Перемещение в гетто

Нам пришлось переехать. Это произошло примерно через год — может быть, немного раньше. Не помню даты. Их легко найти. Район, куда поместили евреев, находился на другом берегу Вислы, в той части Кракова, которая на самом деле не является бывшим еврейским кварталом, хотя многие думают именно так.

Все евреи были обязаны отправиться в предназначенную им часть города. Поляки и жители Кракова, которые не были евреями, были вынуждены переехать оттуда еще раньше, чтобы освободить территорию, на которой нас собрали немцы.

Насколько я помню, у нас было право взять с собой все вещи. Потому что гетто еще не было закрытым. Только там евреи имели право существовать. У них не было права жить где-то еще. Ранее многие из них жили в очень старом районе Казимеж, названном в честь короля Казимира Великого, который поселил здесь евреев в XIV веке, где была очень старая синагога. Этот район, как и прочие, был очищен от евреев, и все они были вынуждены перебраться через мост и поселиться на другом берегу Вислы. Но стены поначалу не было. Мы жили там в тесноте, потому что в каждой квартире всегда ютилось две-три семьи или даже больше. Отец еще неплохо устроился — вначале у нас было две комнаты с небольшой кухней. Кажется, в этой квартире, кроме нас, была еще только

одна семья — мы мало с ней пересекались, и это было хорошо, хотя сейчас я не сказал бы про это «хорошо»...

Дом стоял на углу между улицей Ренкавка и большой площадью, на которой стояла церковь. Как-то утром сестра позвала меня к окну. Она сказала: «Смотри». И я увидел, как строят стену между нашим домом и домом напротив, перегораживая проход с площади на нашу улицу. И я понял, что нас замуровывают. Мы с сестрой заплакали.

Началась совсем другая эпоха: теперь мы оказались в настоящем гетто. Как я увидел позже, с внешней стороны гетто стена была зацементирована, ее залили штукатуркой. Она была серого цвета, с отделкой, которую даже можно было назвать довольно тщательной, а по верху стены шли зубцы. С нашей стороны оставили неотделанные кирпичи. Все стены в гетто были такими.

Депортации и периметр

Гетто было разделено на две части — его пересекала главная улица, а посередине, не останавливаясь, проходил трамвай. Над трамвайными проводами там сделали что-то вроде деревянного мостика шириной в два метра. В Кракове пассажиры трамвая видели жителей гетто, а мы — их.

В Варшаве дело обстояло так же, но при въезде, там, где проходил трамвай, немцы установили большие зарешеченные ворота, которые раскрывались перед трамваем и перекрывали движение для пешеходов, а затем закрывались, чтобы снова можно было перейти улицу.

В какой-то момент людей из гетто начали депортировать. Их становилось все меньше. После каждой облавы периметр пропорционально уменьшался. Приходилось освобождать часть территории и переселяться. Когда это происходило, стену больше не перестраивали, а протягивали колючую проволоку. В конце концов мы оказались в гетто, окруженном фактически только колючей проволокой, кроме нескольких мест, где оставались части стены.

Депортации касались не жителей какой-то части определенного квартала или целых семей. Людей забирали произвольно. Разлучали семьи. Так, например, забрали мою мать. Она покинула наш дом первой.

Повседневная жизнь под угрозой

Школы в гетто не было, но это все-таки был город, и жизнь продолжалась. Здесь было несколько магазинчиков, одно-два кафе, рестораны и что-то вроде сатирического кабаре. По крайней мере, в самом начале.

Я получил от одного из дядьев чудесный подарок — санки, на которых катался зимой, потому что наша часть гетто была на холме. Летом я слонялся с приятелями из гетто по этому каменистому склону, как раз за нашей улицей.

У нас были проблемы с пропитанием, было трудно. Но до голода, как в Варшаве, так и не дошло. Варшавское гетто просуществовало гораздо дольше. Краковское было ликвидировано еще до того, как люди начали умирать от голода. К тому же в варшавское гетто немцы свозили жителей провинции, даже иностранцев — людей, которые уже лишились всего и зачастую недоедали, — и помещали их в гетто без средств к существованию. В Кракове было не так. После побега¹ большую часть войны я переждал в польской деревне. И там из местных слухов я узнал о восстании в варшавском гетто. К тому времени я точно прожил в деревне год или два.

Бабушка жила не с нами. У нее была крошечная комнатуха на другой стороне гетто. Не знаю, как ей досталось это жилье. У нее было, наверное, четыре-пять квадратных метров. Она была матерью моего отца. Мать моей матери была русской, и я не помню ни ее саму, ни откуда она была родом. Наверное, откуда-то из России.

¹ После ликвидации краковского гетто 13–14 марта 1943 года.

Один из трех моих дядьев по отцу¹ находился в гетто, второй укрылся снаружи. Он приходил в гетто вначале, когда еще можно было свободно входить и выходить. В последний раз я видел его в гетто с его будущей женой, потом он исчез. Она была еврейкой, но выглядела совсем как арийка, а вовсе не семитка. Она прятала его где-то на квартире все время оккупации.

Именно она научила меня католическим молитвам, когда приходила в гости вместе с дядей. Потому что каждый раз перед депортацией из гетто расползались слухи и становилось в целом известно, что это случится. Два или три раза родители отправляли меня к друзьям отца за пределами гетто — к семье Вильков. Я даже взял фамилию Вильк. Потом они нашли другую семью, жившую в пригороде, на этакой полуферме — мне предстояло разместиться там. Отец заплатил им. Я взял с собой чемоданчик с вещами, но через несколько дней эти люди сказали, что не могут оставить меня у себя — вроде бы это было слишком опасно. Тогда меня вернули в гетто, без чемоданчика и без денег, которые отец заплатил вперед. Лично я был очень доволен, потому что не хотел жить у чужих людей. Мне там действительно было очень тяжело. Никогда не забуду первую ночь. Я лежал

¹ Берnard (Бенек) (1905–1945?), Давид (Дудек) (1908–1946) и Шимон Стефан (1912–?).

в высокой кровати, стоящей в лавке или в чем-то подобном. Это была не ферма, а деревенский дом в пригороде. Мужчина — видимо, глава семьи — мастерила бочки на большом дворе. До этого я никогда не расставался с семьей на несколько дней...

В то время, еще на нашей первой квартире, я начал писаться в постель. И когда меня отправили в эту семью, единственное, что меня тревожило, — что, если засну, я описаюсь. А это же полный кошмар, потому что родители говорили: «Такой большой мальчик, а писает в постель...» Я совершенно не хотел этого. Но мне все время снилось, что я иду в туалет, а потом я просыпался и понимал, что я в кровати.

Проверки и аресты

В самом начале оккупации, еще до гетто, требовали сдать пишущие машинки. Отцу пришлось отдать свою. Хуже стало, когда мы оказались в гетто. Там в какой-то момент все должны были расстаться с мехами, если они были. У матери, кажется, была одна или две лисы. У бабушки — плохонькая шуба... На этом всё. Двое моих дядьев были меховщиками, насчет третьего, Бернарда, не помню. Они этим зарабатывали. Не знаю, пришлось ли им все это сдать. Я видел очередь из людей, пришедших сдавать то, что у них было. Кто-то вообще нес перины! Знаете, когда

разносятся такие слухи, они передаются, как говорится, по сарафанному радио. И доходит до совершенной чепухи. Их просили сдавать не перья, а меха.

Еду хранить мы тоже не имели права. Разрешалось покупать, но только то, что сумели бы съесть. Нас предупредили, что будет обыск, что проведут проверку. А перед этим мать испекла булочки. У нас тогда была маленькая кухня и комната, где мы все и спали. Потому что сначала, насколько я помню, комнат было две. Потом пришлось ужаться до одной комнаты и кухоньки. И туда, еще до истории с булочками, приходили за сестрой. Им непременно была нужна моя сестра, не знаю почему. И мать спрятала ее в кровати. Ее не нашли.

В день проверки еды пришли два немецких офицера. У одного в руке была нагайка. Перед этим отец сказал матери спрятать булочки. Мать хотела непременно избавиться от них — искрошить и выбросить в туалет. В итоге она положила их в такую круглую шляпную коробку, стоящую на чемодане на шкафу. Сначала немцы отправились вместе с ней на кухню. Она все им показала. Мы сидели в комнате.

Они говорили по-немецки. Мать знала немецкий, отец тоже. Вроде бы отец был с нами, чтобы по их требованию составить опись вещей, которые у нас были. А потом они пришли к нам в комнату. Они смотрели повсюду. И странное дело — один пошел прямо к этой шляпной коробке. Он подтолкнул ее